

преданиям, для средневековья была довольно существенной. Она тем более существенна, что сыграла известную роль в деле формирования и укрепления Московского государства, так как утверждала за великим князем московским приоритет богоизбранности и, следовательно, непререкаемого главы единого государства. В умах многих это сливалось с идеей о великом князе, как о главе церкви, что тоже очень существенно, так как церковь представляла собой организацию общерусскую. Митрополит, возглавлявший ее, носил титул митрополита „всеа Руси“. Глава церкви, следовательно, не мог мыслиться иначе, как верховный руководитель всей Руси, в его лице руководство церковное смыкалось с руководством политическим, государственным. Значительную роль в развитии этой идеи сыграла Византия, где императоры со времени Вселенских соборов поставлялись царями всех ромеев, т. е. всех христиан, и считались даже, в некотором роде, служителями религиозного культа.¹ Роль византийского императора, как богоизбранного владыки и главы церкви, старательно выдвигалась Византией прежде всего по отношению к древней Руси. Однако постепенное ослабление Византии изменило и взаимоотношения московских князей с византийским императором. Одновременно с политическим ослаблением Византии идея богоустановленности власти императора византийского, его значение, как главы церкви, — в глазах древне-русского общества постепенно меркло, заменяясь сознанием, что великий князь московский должен стоять теперь на его месте. После Флорентийской унии авторитет предавшего православие византийского императора не мог, конечно, стоять высоко.

Православное духовенство, воспитанное на идее богоустановленности власти, с одной стороны, и на смыкающейся с ней идее, по которой глава государства воспринимался и как глава духовный, ответственный за порученное ему богом „стадо словесных овец“, с другой, должно было перенести это на великого князя московского. Этому способствовала и некоторая русская традиция. В середине XV в. идея, согласно которой великий князь Московский мыслился, как глава духовный, находит уже отражение в литературных памятниках: в Пахомиевой редакции Жития Сергея Радонежского, в „Слове избранном еже на латыню...“ и других. Великий князь, мыслящийся как власть богом установленная, власть, стоящая и во главе церкви, признавался таким и в действительности. Со времен митрополита Ионы, поставленного вопреки воле Византии и выдвигавшего власть московского великого князя, как владыки духовного, это руководство князем церковью приобретает все больший практический размах и смысл. Московские князья не сторонились ни этой идеи, ни идей, ей подобных. Они умело

¹ В. Савва. Московские цари и византийские василевсы. Харьков, 1901; Ф. Курганов. Византийский идеал царя и царства... Правосл. собеседн., 1881, июль—август, Казань; Русск. ист. библ., т. VI, прил., стр. 272.